

УДК 811.11-112

Лызлов А.И.

Смоленский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ ОБРАЗА СОБАКИ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

A. Lyzlov

Smolensk State University

SOME EVALUATIVE FEATURES OF THE IMAGE DOG IN ENGLISH AND RUSSIAN PAREMIOLOGY

Аннотация. Рассматриваемая статья посвящена оценочной семантике паремических высказываний английского и русского языков, в основе которых лежит образ собаки. Высказывания с кинологической образной составляющей могут выражать как положительные, так и отрицательные признаки. Паремические картины мира обоих языков в рассматриваемом сегменте весьма схожи, но не идентичны.

Ключевые слова: пословица, положительная оценка, отрицательная оценка, картина мира, образ, признак.

Abstract. The article explores the evaluative semantics of proverbs and sayings in the English and Russian languages, based on the image "dog". Utterances with cynological image component may express both positive and negative features. The paremiological mapping of both languages in the described slot have much in common, though they are not identical.

Key words: proverb, positive evaluation, negative evaluation, mapping, image, feature.

Человек отображает и запечатлевает в сознании действительность в виде определённой системы представлений, которые определяются словом «картина» [5; 7]. В любом языке можно выделить определённые наслоения и пережитки различных мировоззрений, отражающие различные стороны явлений природы и общественной жизни. Признавая тесную связь между мышлением и языком, И.А. Бодуэн де Куртене отмечал, что мышление оказывает на язык «либо ускоряющее, либо замедляющее, либо усиливающее, либо подавляющее воздействие» [4, 79].

Если рассматривать картину мира в виде системы, то можно выделить в ней множество элементов – стереотипных представлений, которые получают у носителей одного языка более или менее одинаковую смысловую нагрузку. В паремиях даётся оценка знаний человека о мире, и через неё строится определённая жизненная установка, некая «программа поведения» [7, 162]. Паремии отражают некую совокупность эмпирических знаний человека о мире, связанных с повседневным трудом и бытом, кроме того, это способ представления смысла в языке, который выявляется при буквальном прочтении пословицы и соотносится с шаблонной, стереотипной ситуацией, как правило, хорошо знакомой и понятной носителям языка. Они вырабатываются для успешного осуществления процесса коммуникации.

При этом коммуникативный процесс субъективен. Обмениваясь информацией, люди неизбежно прибегают к выражению своего отношения к объекту речи. Субъект оценки, лицо, производящее семантическую операцию, причисляет предмет, свойство или явление к ряду пейоративных или мелиоративных на основании некоего признака или совокупности признаков, определяющих сущность рассматриваемых явлений [3, 8; 6, 4].

В статье рассматриваются паремические тексты с кинологической образностью как составляющей зоонимического культурного кода, посредством которого объективируются не только определённые смыслы, но и реализуется семантика оценки. Метафорически переосмысленные кинологические образы выступают в качестве базисных моделей бытия, по аналогии с которыми осмысливается бытие человека. В них метафорическая модель «человек» – «собака» получает яркое вербальное воплощение. Образный компонент в семантике паремии – продукт метафорического переосмысления элементов реальности на основании анализа их признаков составляющей. В работах Н.Ф. Алефиренко встречается следующее определение **образа** – «предметно-чувственное отражение в сознании человека номинируемого объекта, возникающее у коммуникантов» [1, 54; 2, 38].

План содержания рассматриваемых высказываний строится вокруг когнитивной оси «образ – признак». По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, когнитивная интерпретация паремий предполагает выявление на основе анализа их смысла неких когнитивных признаков [9, 202], ключевых понятий паремических предложений. Как известно, человек мыслит категориально. Те или иные категории могут иметь выражение в рамках одной предложения, которая в дальнейшем в паремических образованиях претерпевает образно-оценочную перестройку, может варьироваться в разных паремических единицах.

Проведённое исследование позволило нам выявить наиболее частотные когнитивно-оценочные признаки, присущие паремическим текстам английского и русского языков, связанные с образом собаки. Рассмотрим каждый из этих признаков подробнее.

Агрессивность. Английская паремиологическая картина мира располагает рядом высказываний, в которых образ собаки олицетворяет угрозу, агрессию. Собака способна причинить человеку вред. Семантика предпочтений в английской паремии «*better*

for a man to have even a dog welcome him than a dog bark at him» [14] ('для человека лучше, когда собака приветствует его, а не лает') предписывает человеку не вызывать агрессию собаки. Схожей семантикой обладает и паремическая единица «*better a dog you know than a dog you do not know*» [14] ('собака, которую ты знаешь, лучше собаки, которой ты не знаешь'), она советует человеку дружить с собакой.

Агрессивное поведение собаки связано с рычанием, лаем, оскалом зубов. Собака как символ не только угрозы, но и притворства представлена в паремии, содержащей модальность долженствования: *let a sleeping dog lie* [13]. В русском языке также существует подобное высказывание, являющееся заимствованием: *не буди спящую собаку* [12]. Сходной ситуативной и признаковой составляющей обладает паремическая единица *never trust a sleeping dog* [14] ('никогда не доверяй спящей собаке'); в данной единице угроза, исходящая от собаки, усилена прагматикой недоверия.

Паремический текст, не имеющий аналогов в русской картине мира, «*never trust a sleeping dog, a praying drunkard, or a weeping woman*» [14] ('никогда не доверяй спящей собаке, молящемуся пьянице или плачущей женщине') – характеризуется наличием нескольких образов, в том числе и образа собаки. Собака в данном паремическом тексте не является результатом метафорического переноса по схеме «человек» – «собака». Очевидно, в английской картине мира такие образы, как молящийся пьяница и плачущая женщина, вызывают недоверие не в меньшей степени, чем притворяющаяся спящей собака.

Продолжая рассматривать образную тематику потенциально опасных животных, которые априори не вызывают доверия, уместно привести паремический текст: *three things are not to be trusted: a cow's horn, a dog's tooth, and a horse's hoof* [14] ('трем вещам нельзя доверять: коровьему рогу, собачьему зубу и лошадиному копыту'). В данной единице используется приём метонимии, опасные животные именуется по тем частям их

тел, с помощью которых они могут нападать или защищаться. Так, корову объективирует её рог, собаку – зуб, а лошадь – копыто.

Помимо образа спящей собаки, в английской паремиологии присутствует образ тихой, или «молчаливой», собаки. Прагматическая функция совета реализована в паремической единице, в которой объективируется образ собаки, несущей в себе потенциальную угрозу: *beware of a silent dog and still water* [13] («бойся молчаливой собаки и тихого омута»). Паремическая единица *the silent dog bites first* [14] («молчаливая собака кусает первой») частично мотивирует образ молчаливой собаки. Ей приписывается склонность нападать без предупреждения, что делает такую собаку ещё более опасной. В этом образе получает метафорическое переосмысление коварное поведение человека. С помощью глагольной формы «бойся» рассматриваемая паремическая единица даёт негативную оценку коварным людям. Русские паремии «не бойся собаки брехливой, бойся молчаливой» [11]; «не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит» [12] содержат сходную ситуативную и признаковую составляющие.

Однозначно негативную семантику манифестирует образ бешеной собаки, несущий в английском языке весьма сильную коннотативную нагрузку пейоративного плана. В паремии «*the mad dog bites his master*» [14] («бешеная собака кусает собственного хозяина») проявляется отрицательная сущность бешеной собаки: неоправданная агрессивность, которая может быть направлена даже на её хозяина.

Неоправданная агрессия, свойственная некоторым собакам, получает негативную оценку в паремии *all are not thieves that dogs bark at* [13] («не всяк тот вор, на кого собака лает»). Образ животного используется здесь для порицания поспешных выводов. В русской паремической картине мира имеется аналогичное высказывание, в котором, правда, задействуется не образ собаки, а образ волка: *не все то волк, что серо* [11].

Русская паремия «*и собака старое добро помнит*» [11] позволяет говорить не только о

способности образа собаки передавать оценочный признак «благодарность». Кинологический образ в данной единице, соприкасаясь с понятием «добро», которое в данном контексте характеризуется амбивалентным планом содержания, в зависимости от узуральных интенций субъекта речи, способен выражать как признак «благодарность», так и признак «злопамятность».

Агрессивность, стремление добиться успеха во что бы то ни стало выражает паремия: *two dogs over one bone seldom agree* [13] («две собаки, если найдут одну кость, редко расходятся миром»). Ситуация, когда в паремическом высказывании задействованы две дерущиеся собаки, представлена и в русской паремиологической картине мира: *две собаки дерутся – чужая не мешай* [11]. Частичное сходство ситуативной составляющей данных единиц не приводит к совпадению признаковой составляющей значения рассматриваемого образа. Русская паремия порицает чужих людей, вмешивающихся во внутренние, часто семейные, конфликты. Образ дерущихся собак – это результат метафорического переосмысления ссорящихся друзей, коллег или родственников, которые получают отрицательную оценку.

Паремия «*it is raining cats and dogs*» [13] используется для номинации сильного дождя. В ней для интенсификации негативного отношения человека к ненастью английская паремиологическая картина мира прибегает к использованию образов собаки и кошки. В русском языке идеи интенсивности, множества тоже могут реализовываться посредством образов собаки; напр.: *как собак нерезаных* [12].

Корыстолюбие/жадность. Наблюдая за окружающим миром, человек отметил и отразил в паремиях ту жадность, с которой собака поглощает еду, и ту агрессию, которую она проявляет, когда ей мешают насладиться пищей. Образ собаки, грызущей кость и символизирующей жадность, раскрывают паремические единицы «*a dog with a bone knows no friend*» [14] («собака, у которой есть кость, друзей не признает»); «*while dog gnaws bone,*

companions would be none» [14] ('собака, которая грызет кость, не нуждается в друзьях').

Известная русская единица «собака на сене лежит – и сама не ест, и другим не даёт» [11], порицающая бессмысленность человеческой жадности, имеет в английском языке эквивалентный паремический текст: *do not be like a dog in the manger* [15] ('как собака в яслях'). В них образные и признаковые составляющие идентичны, незначительно отличаются ситуативные составляющие: «русская собака» сторожит сено, «английская» собака не подпускает никого к кормушке для животных – яслям.

Собака может служить человеку, но мотивом её покорности и ласки будет не искренняя любовь к хозяину, но трезвый расчёт: желание получить сытный обед. В паремическом высказывании «*dogs wag their tails no so much to you as your bread*» [14] ('собака виляет хвостом не сколько из-за тебя, сколько из-за твоего хлеба') используется образ хлеба – той еды, которая становится мотивом дружбы собаки и человека.

В паремии «*if you would wish the dog to follow you, feed him*» [14] ('если хочешь, чтобы собака пошла за тобой, покорми её') описываемая выше ситуация смягчается до прагматики совета прикормить и таким образом приручить собаку. В русском языке существует паремическая единица: *сколько собаке ни хватать, а сытой не бывает* [11]. В ней даже сильнее, чем в приведённом выше английском высказывании, проявляется такой признак, как жадность, даже ненасытность, собаки, который может легко быть перенесён на человека.

Образ собачьей стаи используется для усиления порицания прожорливости; жертвой этих хищников в паремии «*many dogs soon eat up a horse*» [14] ('много собак и лошадь съедят') становится другой зоонимический образ – лошадь, который предстаёт объективатором понятий «большое» и «ценное».

Трусость. Негативная оценка трусости реализуется в нескольких паремических текстах с кинологической образностью. В паремии «*every dog is a lion at home*» [15] ('каждая

собака – лев в собственном доме') – присутствует взаимодействие артефактной метафоры с метафорической тематикой животного мира. В ней собака не без иронии сопоставляется со львом – олицетворением храбрости, – но храбрый зверь в паремии находится в доме, вне опасностей окружающего мира. Сходным признаковым значением и образной составляющей обладает паремическая единица «*every dog is valiant at his own door*» [14] ('каждая собака храбра у собственных дверей'), в ней также присутствует ироническое начало, храбрость домашнего питомца ограничивается домом хозяина, точнее – пространством у входной двери, местом, отведённым для собаки.

В конфликтной ситуации трусливый человек, так же, как и трусливый пёс, агрессивен напоказ, его демонстративное поведение призвано устрашать и не влечёт за собой нападения. Об этом повествуют паремии: *barkers are not biters* [14] ('тот, кто лает – не кусает'); *dogs show their teeth when they dare not bite* [14] ('собака показывает зубы, когда не решается укусить').

Русская паремия «*пуганая ворона и куستا боится*» [12] даёт негативную оценку чрезмерно осторожному человеку, пострадавшему в прошлом и испытывающему беспричинный страх. Она имеет английский эквивалент, построенный по той же модели, но с разной внутренней формой, основанной на различных образах: *the scalded dog fears cold water* [13] ('ошпаренная собака боится холодной воды'). Русская паремия основана на образе вороны, английская – собаки. Метафорическая модель в них схожа: пострадавшее животное боится без причины.

Негативная оценка голода. Об очень голодном человеке русские говорят: *голодный как собака* [12]. Это сравнение входит в целый ряд компаративных оборотов, основанных на ассоциациях с образом жизни, повадками собаки, что является универсальным для большинства языков. Для сравнения с собакой характерна, в основном, отрицательная оценка: поскольку это животное – страж хозяйства, то оно ассоциируется со злостью

(злой как собака) [12]. Собаку держат в конуре и на цепи – жизнь её трудна (*живёт как собака, замёрз как собака*), охотничья собака гоняется за зверем – она сильно устаёт (*устал как собака*) [12]. Прирученность, полная зависимость от человека, вероятно, способствовала таким негативным образным оценкам [10, 650]. В английской паремиологической традиции используется высказывание: *as hungry as a wolf* [13] ('голодный как волк'). Сопоставляя данное высказывание с русским эквивалентом, наблюдается сходство в ситуативной составляющей при смещении образной.

Консерватизм. Как известно, для старости характерны пейоративные признаки: консерватизм, немощь, о чём свидетельствует паремия, в которой присутствует прагматика невозможности: *an old dog will learn no new tricks* [13] ('старую собаку новым трюкам не научишь'). Русская паремиология также оперирует образом «старая собака»: *старую собаку не батькой звать* [12], однако признаковая составляющая паремии, содержащей этот образ, несколько иная: в ней представлена мысль о том, что не всякий старый человек достоин уважения.

Претенциозность. Русские паремические тексты «*как ни вертись собака, а хвост позади*» [12]; «*черного кобеля не отмоешь добела*» [12]; «*лезет в волки, а хвост собачий*» [12], в которых используется образ собаки, дают негативную оценку тем людям, кто стремится представить себя в более выгодном свете, скрыть свои, подчас весьма серьезные, недостатки. Попутно отметим, что антитеза образов «собака – волк» свойственна исключительно русской паремиологической картине мира.

Другое направление развития кинологической метафоры связано с описанием **мудрости, опытности.** Образ старой собаки носит амбивалентный характер. Старость часто рассматривается как синоним опыта, который является безусловной ценностью [8, 74]. Данный образ объективируется в паремии: *an old dog barks not in vain* [13] ('старый пёс не поднимает шум попусту'). Синонимичное

значение имеет паремическое высказывание «*when the old dog barks, he gives counsel*» [14] ('когда старая собака лает, она даёт тебе совет'), в котором собака рассматривается как ценный помощник человека, всегда готовый предупредить его о возможной опасности.

Такое свойство собаки, как способность лаять, является, с точки зрения носителей наивной картины мира, одним из базовых признаков, характеризующих это животное: *don't teach the dog to bark* [14] ('не учи собаку лаять'). Образ человека, пытающегося научить лаять собаку, используется для того, чтобы в ироничной форме дать негативную оценку самонадеянному человеку, стремящемуся поучать более опытного.

Взаимовыручка. Английская паремиология, объективируя данный положительно оцениваемый признак, прибегает к образу собаки: *dog does not eat dog* [13] ('собака не ест собаку'). В русском языке есть дословное выражение: *собака собаку не ест* [11]. Коллективное поведение животных отражает паремическая единица: *one barking dog sets all the street abarking* [14] ('если одна собака на улице залает, то залают собаки на всей улице'). В данном высказывании даётся положительная оценка взаимовыручке. Русская единица «*собака лает, от собаки слышит*» [11] имеет сходную ситуативную и образную составляющую.

Рассмотренные паремические высказывания английского и русского языков, основанные на образе собаки, позволяют говорить о том, что кинологический образ является многозначным явлением в паремиологической картине мира. Сравнительно-сопоставительный анализ паремий с заявленной образностью позволил выявить неполное соответствие национальных картин мира в данном фрагменте. Так, английская паремиологическая картина мира использует образ трусливой и жадной собаки, советует человеку быть её другом. Специфическими чертами образа собаки для русской картины мира являются интенсификация идеи множественности, злопамятность, претенциозность, голод, усталость. Связанные сочетания с

кинологической образной составляющей характеризуются амбивалентностью. Такие признаки, как агрессивность, жадность, опыт являются общими для двух картин мира. К пейоративным признакам описываемого образа относятся агрессивность, корыстность/жадность, трусость, консерватизм, претенциозность, голод, усталость, к мелиоративным – опытность/мудрость, взаимовыручка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. М.: ООО Элпис, 2008. 271 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: Монография. Белгород.: Изд-во БелГУ, 2005. 172 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русск. культ., 1998. 895 с.
4. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 384 с.
5. Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем., сост., вст. ст. и прим. М.С. Козювой. М.: Гнозис, 1994. 520 с.
6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Эдиториал -УРСС, 2002. 280 с.
7. Иванова Е.В. Антропоцентризм в пословице // Антропоцентризм в языке и речи: Межвуз. сб. ст / Отв. ред. Л.П. Чахоян. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. С. 162-168.
8. Иванова Е.В. Пословичная картина мира (на материале английских и русских пословиц): Монография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 150 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Источники языкового материала:

10. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель, 2005. 926 с.
11. Даль В.И. Сборник пословиц и поговорок русского народа. В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст. В.И. Даля. М.: Художественная литература, 1989. 350 с.
12. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1991. 534 с.
13. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., исправл. М.: Живой язык, 1998. 944 с.
14. English-sayings. Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <http://www.english-sayings.com> (дата обращения: 23.06.2011).
15. Mieder W. English Proverbs: Philip Recalm jun. GmbH. Stuttgart, 2003. 152 p.